

II. ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Блинкова Е. В., Чорный В. Н. Правовой режим имущества религиозного назначения в учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 155–168. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-155-168.

Blinkova E. V., Chornyy V. N. Pravovoy rezhim imushchestva religioznogo naznacheniya v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh ugovnoe nakazanie v vide lisheniya svobody [Legal Regime of Property for Religious Purposes in Institutions Executing Criminal Punishment in the Form of Imprisonment]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2017. Issue 36. Pp. 155–168. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-155-168.

УДК 347.21

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-155-168

**ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА РЕЛИГИОЗНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Е. В. Блинкова

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Академии права и управления Федеральной службы исполнения уголовных наказаний 390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности 117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а

ORCID: 0000-0002-0748-1252

ResearcherID: C-7834-2017

e-mail: elenablinkova@inbox.ru

В. Н. Чорный

Кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления Федеральной службы исполнения уголовных наказаний 390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1

ORCID: 0000-0002-4364-7758

ResearcherID: D-3052-2017

e-mail: wchorni@list.ru

Введение: тема церковной собственности находится в компетенции нескольких отраслей права, не ограничивается только гражданско-правовым регулированием. Особый статус субъекта владения данным имуществом, каким является Церковь, имеющий исторический опыт правовой регламентации имущества религиозного назначения побуждают к поиску правовых моделей, общих принципов построения правового режима рассматриваемого имущества. Сложность правовых режимов имущества религиозного назначения в местах лишения свободы обуславливается тем, что функционирование этого имущества осуществляется в условиях режимных требований и согласования норм позитивного права с церковными канонами, являющимися исходными нормами регламентации имущества религиозного назначения. **Цель:** на основе анализа норм церковного права, российского законодательства, исторического и зарубежного опыта, современной практики тюремного служения сформировать научно-теоретическую модель правового режима имущества религиозного назначения в местах лишения свободы, внести предложения о методах ее регламентации в гражданском и уголовно-

II. CIVIL AND BUSINESS LAW

Information for citation:

Blinkova E. V., Chornyy V. N. Pravovoy rezhim imushchestva religioznogo naznacheniya v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh ugovnoe nakazanie v vide lisheniya svobody [Legal Regime of Property for Religious Purposes in Institutions Executing Criminal Punishment in the Form of Imprisonment]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2017. Issue 36. Pp. 155–168. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-155-168.

UDC 347.21

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-155-168

**LEGAL REGIME OF PROPERTY FOR RELIGIOUS PURPOSES IN INSTITUTIONS
EXECUTING CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT**

E. V. Blinkova

Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia

1, Sennaya st., Ryazan, 390000, Russia

Russian State Academy of Intellectual Property

55a, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117279, Russia

ORCID: 0000-0002-0748-1252

ResearcherID: C-7834-2017

e-mail: elenablinkova@inbox.ru

V. N. Chornyy

Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia

1, Sennaya st., Ryazan, 390000, Russia

ORCID: 0000-0002-4364-7758

ResearcherID: D-3052-2017

e-mail: wchorni@list.ru

Introduction: the issues of church property are under the jurisdiction of several branches of law and not limited to civil regulation. The special status of the subject possessing this property (the Church), the historical experience of regulating the property for religious purposes motivate to search for legal models and general principles to construct the legal regime of the property in question. The complexity of legal regimes of property for religious purposes in places for confinement is explained by the fact that this property functions in the conditions of the restricted access requirements and balancing between the norms of positive law and church canons, which are the original norms regulating property for religious purposes.

Purpose: to develop a scientific theoretical model of the legal regime of property for religious purposes in places for confinement, based on the analysis of norms of canon law and Russian legislation, the historical and foreign experience and modern practice of ministration in prisons; to make proposals on the methods for incorporating this model in both civil and criminal legislation. **Methods:** the research is based on theoretical methods (dialectical, systemic juridical, historical), methods of comparative analysis of statistical and specific sociological researches, empirical methods (interviewing and surveys). **Results:** the current problems and contradictions in legal regulation of property for religious purposes have been revealed. The historical experience of ministration in prisons and legal regimes of property in pre-revolutionary Russia have been analyzed, as well as the foreign experience of regional cooperation between religious organizations and municipal authorities on the basis of agreements.

исполнительном законодательстве. **Методы:** теоретические (диалектический, системно-юридический, сравнительно-правовой, исторический), методы сравнительного анализа статистических и конкретно-социологических исследований, эмпирические – интервьюирование и анкетирование. **Результаты:** выявлены современные проблемы и противоречия правовой регламентации имущества религиозного назначения в местах лишения свободы. Проанализированы историческая практика тюремного служения, правовые режимы имущества в дореволюционной России, а также зарубежный опыт регионального взаимодействия религиозных организаций и муниципалитетов на основе договоров. Обосновывается необходимость имплементации в российскую действительность этой практики при решении вопросов, касающихся религиозного имущества, пока не будет сформирована законодательная база. **Выводы:** существующие в обществе механизмы определения правового режима имущества религиозного назначения не могут напрямую действовать в уголовно-исполнительной системе. Их необходимо адаптировать путем дополнительного законодательства (ведомственного нормотворчества) с учетом режимных и иных особенностей, характерных для деятельности исправительных учреждений.

Ключевые слова: имущество религиозного назначения; места лишения свободы; каноническое право; священнослужители; тюремное служение; уголовно-исполнительная система; договор о взаимодействии; тюремный храм

LEGAL REGIME OF PROPERTY FOR RELIGIOUS PURPOSES IN INSTITUTIONS EXECUTING CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT

E. V. Blinkova

Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia
1, Sennaya st., Ryazan, 390000, Russia
Russian State Academy of Intellectual Property
55a, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117279, Russia
ORCID: 0000-0002-0748-1252
ResearcherID: C-7834-2017
e-mail: elenablinkova@inbox.ru

V. N. Chorny

Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia
1, Sennaya st., Ryazan, 390000, Russia
ORCID: 0000-0002-4364-7758
ResearcherID: D-3052-2017
e-mail: wchorni@list.ru

Introduction: the issues of church property are under the jurisdiction of several branches of law and not limited to civil regulation. The special status of the subject possessing this property (the Church), the historical experience of regulating the property for religious purposes motivate to search for legal models and general principles to construct the legal regime of the property in question. The complexity of legal regimes of property for religious purposes in places for confinement is explained by the fact that this property functions in the conditions of the restricted access requirements and balancing between the norms of positive law and church canons, which are the original norms regulating property for religious purposes. **Purpose:** to develop a scientific theoretical model of the legal regime of property for religious purposes in places for confinement, based on the analysis of norms of canon law and Russian legislation, the historical and foreign experience and modern practice of ministration in prisons; to make proposals on the methods for incorporating this model in both civil and criminal legislation. **Methods:** the research is based on theoretical methods (dialectical, systemic juridical, historical), methods of comparative analysis of statistical and specific sociological researches, empirical methods (in-

The necessity is justified of implementing this experience into Russian practice when solving the issues concerning religious property, until the relevant legislative framework is developed. **Conclusions:** the current mechanisms of establishing the legal regime of property for religious purposes cannot be directly used in the penal system. They require some adaptation through additional law-making (in particular, penitentiary rule-making) with the account for the regime and other features characteristic of the activities of correctional institutions.

Keywords: property for religious purposes; places for confinement; canon law; clergymen; penal system; cooperation agreement; places of worship in prison

Information in Russian

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА РЕЛИГИОЗНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Е. В. Блинкова

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Академия права и управления Федеральной службы исполнения уголовных наказаний 390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1
Профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
Российская государственная академия интеллектуальной собственности
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а
ORCID: 0000-0002-0748-1252
ResearcherID: C-7834-2017
e-mail: elenablinkova@inbox.ru

В. Н. Чорный

Кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академия права и управления Федеральной службы исполнения уголовных наказаний 390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1
ORCID: 0000-0002-4364-7758
ResearcherID: D-3052-2017
e-mail: wchorni@list.ru

Введение: тема церковной собственности находится в компетенции нескольких отраслей права, не ограничивается только гражданско-правовым регулированием. Особый статус субъекта владения данным имуществом, каким является Церковь, имеющий исторический опыт правовой регламентации имущества религиозного назначения побуждают к поиску правовых моделей, общих принципов построения правового режима рассматриваемого имущества. Сложность правовых режимов имущества религиозного назначения в местах лишения свободы обуславливается тем, что функционирование этого имущества осуществляется в условиях режимных требований и согласования норм позитивного права с церковными канонами, являющимися исходными нормами регламентации имущества религиозного назначения. **Цель:** на основе анализа норм церковного права, российского законодательства, исторического и зарубежного опыта, современной практики тюремного служения сформировать научно-теоретическую модель правового режима имущества религиозного назначения в местах лишения свободы, внести предложения о методах ее регламентации в гражданском и уголовно-исполнительном законодательстве. **Методы:** теоретические (диалектический, системно-юридический, сравнительно-правовой, исторический), методы сравнительного анализа статистических и конкретно-социологических исследований, эмпирические – интервьюирование и анкетирование. **Результаты:** выявлены современные проблемы и проти-

interviewing and surveys). **Results:** the current problems and contradictions in legal regulation of property for religious purposes have been revealed. The historical experience of ministration in prisons and legal regimes of property in pre-revolutionary Russia have been analyzed, as well as the foreign experience of regional cooperation between religious organizations and municipal authorities on the basis of agreements. The necessity is justified of implementing this experience into Russian practice when solving the issues concerning religious property, until the relevant legislative framework is developed. **Conclusions:** the current mechanisms of establishing the legal regime of property for religious purposes cannot be directly used in the penal system. They require some adaptation through additional law-making (in particular, penitentiary rule-making) with the account for the regime and other features characteristic of the activities of correctional institutions.

Keywords: property for religious purposes; places for confinement; canon law; clergymen; penal system; cooperation agreement; places of worship in prison

Введение

Осужденным, которые вправе исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними при отбывании наказаний, гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания. В учреждениях, исполняющих уголовные наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества, осужденным разрешается совершение религиозных обрядов, пользование предметами культа и религиозной литературой, в том числе в помещениях, выделяемых для этих целей администрацией указанных учреждений (ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)). Право на свободу совести и свободу вероисповедания может осуществляться в различных формах, что возложено на администрацию учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Немаловажное значение для реализации данной конституционной свободы личности имеет правовая регламентация взаимодействия религиозных организаций и уголовно-исполнительной системы.

История взаимодействия религиозных организаций и уголовно-исполнительной системы России

Начало взаимодействию Русской православной церкви (далее – РПЦ) и уголовно-исполнительной системы России (далее – УИС) было положено заключением Соглашения о сотрудничестве Минюста России и Русской православной церкви от 21 декабря 1999 г. В развитие взаимодействия практически во всех епархиях были созданы епархиальные комиссии по взаимодействию с правоохранительными учреждениями, на которые возложена координация деятельности духовенства в местах лишения свободы. Также между управляющими епархиями и руководителями территориальных управлений федеральной службы

по исполнению наказаний (УФСИН) были заключены двусторонние соглашения о сотрудничестве, на основании которых духовенство получило право доступа в исправительные учреждения для духовного окормления осужденных и заключенных [2, с. 8–18].

За прошедшие годы в исправительных учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, практически был сформирован институт тюремного служения, создано имущество религиозного назначения (в первую очередь подразумеваются храмы, часовни, мечети, молельные комнаты и т. п.). При этом не было законодательной базы для функционирования этого института, многие вопросы решались в учреждениях по усмотрению их руководителей. Не было и научных изысканий по рассматриваемой нами проблематике.

Более активно вопросы организации взаимодействия представителей религиозных организаций и сотрудников УИС в исправительных учреждениях в регионах законотворчества, обучения священников, несущих послушание в исправительных учреждениях, переработка законодательства, внесение изменений в УИК РФ, формирование ведомственной нормативной базы начались решаться после образования 5 марта 2010 года Синодального отдела Московского патриархата по тюремному служению. Тем не менее многие проблемы правового и организационного характера остаются нерешенными, так как пока не имеют достаточного научного исследования и обоснования. Одной из таких проблем является необходимость формирования правового режима имущества религиозного назначения и иных предметов культа, используемых РПЦ для проведения богослужений и иных культовых мероприятий в местах лишения свободы.

Согласно данным ФСИН России по состоянию на 1 января 2017 г. при исправительных учреждениях действуют 642 культовых объекта:

воречия правовой регламентации имущества религиозного назначения в местах лишения свободы. Проанализированы историческая практика тюремного служения, правовые режимы имущества в дореволюционной России, а также зарубежный опыт регионального взаимодействия религиозных организаций и муниципалитетов на основе договоров. Обосновывается необходимость имплементации в российскую действительность этой практики при решении вопросов, касающихся религиозного имущества, пока не будет сформирована законодательная база. **Выводы:** существующие в обществе механизмы определения правового режима имущества религиозного назначения не могут напрямую действовать в уголовно-исполнительной системе. Их необходимо адаптировать путем дополнительного законотворчества (ведомственного нормотворчества) с учетом режимных и иных особенностей, характерных для деятельности исправительных учреждений.

Ключевые слова: имущество религиозного назначения; места лишения свободы; каноническое право; священнослужители; тюремное служение; уголовно-исполнительная система; договор о взаимодействии; тюремный храм

Introduction

Convicts, who have the right to profess or not to profess any religion, to freely choose, hold and disseminate religious views, and to act in accordance with them while enduring their punishment, are guaranteed the freedom of conscience and the freedom of religion. The institutions executing criminal punishment associated with the isolation of convicts from the society, allow convicts to go through religious ceremonies, to use cult objects and religious literature, including in the rooms specially assigned by the administration of the mentioned facilities for these purposes (Article 14 of the Penal Code of the Russian Federation, hereinafter referred to as the RF PC). The right to the freedom of conscience and freedom of religion can be exercised in different forms, which are to be observed by the administration of the institutions and bodies executing criminal punishment. The legal regulation of the interaction between religious organizations and the penal system is of no little importance for practicing this constitutional freedom of an individual.

History of Interaction between Religious Organizations and the Penal System of Russia

The interaction of the Russian Orthodox Church (hereinafter referred to as the ROC) and the penal system of Russia (hereinafter – the PS) was initiated by concluding the Agreement of Cooperation between the Russian Ministry of Justice and the Russian Orthodox Church on December 21, 1999. For the interaction development, all the dioceses established diocesan committees on cooperating with the law-enforcement bodies which coordinate the activities of the clergy in the places for confinement. In addition, the chief dioceses and the

heads of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service concluded bilateral agreements on cooperation which allowed for the clergy's access to correctional facilities for the spiritual guidance of convicts and the confined [5, pp. 8–18].

Over the last years, the institution of ministering in prison have been actually established in correctional facilities executing criminal punishment in the form of imprisonment; the property for religious purposes was created (first of all, churches, chapels, mosques, prayer rooms, etc.). With this, there was no legislative basis for this institution's functioning, many problems were solved at the facilities in the way preferred by their managers. There were also no researches conducted on the issues under study in this paper.

After the Synodal Department of the Patriarchate of Moscow on Ministering in Prisons was established on March 5, 2010, the questions concerning the interaction between religious organizations' representatives and employees of the penal system in the law-making regions, issues of training the priests ministering in correctional facilities, improvement of the legislation, changes into the RF PC, development of the relevant legal framework within the penitentiary system turned to be quicker in settling. However, many legal and organizational issues remain unsettled, and there is no sufficient scientific research and grounds for addressing them. One of such problems is the necessity to establish the legal regime of the property for religious purposes and other cult objects used by the ROC for ministering and other ceremonial events in the places for confinement.

As the Federal Penitentiary Service of Russia reports, as of January 1, 2017, there were 642 cult objects functioning at correctional facilities:

485 храмов, 77 часовен, 6 колоколен (звонниц) РПЦ, 61 исламская мечеть, 10 буддийских дуганов, 3 костела РКЦ, более 700 молитвенных комнат¹.

На основании Соглашения о сотрудничестве между ФСИН России и РПЦ, с благословения Патриарха Московского и всея Руси Кирилла созданы фонды оказания помощи освобождающимся осужденным при православных приходах [5, с. 8–19].

Здания тюремных храмов построены, в основном, на режимной территории исправительных учреждений и находятся в их оперативном управлении; ведомственных нормативных актов для их передачи в ведение соответствующих религиозных организаций пока нет. Соответственно и не обозначена позиция представителей уголовно-исполнительной системы в вопросе о дальнейшей судьбе имущества религиозного назначения и правовых форм разрешения проблем, связанных с его эксплуатацией. В этой связи представители РПЦ высказывают справедливое опасение, что возможны ситуации, когда храмы не будут эксплуатироваться только по своему прямому назначению и исключительно той религиозной организацией, которая их построила. Кроме того, любое имущество должно иметь правовое закрепление, тем более церковное, которое может быть задействовано в гражданских и иных правоотношениях только после процедуры правовой регламентации.

Проблемы правового режима религиозного имущества

Правовые вопросы принадлежности и использования религиозного имущества являются одной из важных и довольно сложных проблем для общества. В литературе справедливо обращается внимание на то, что споры вокруг церковной собственности, активно ведущиеся после принятия в конце 2010 г. нового федерального закона о возвращении имущества религиозного назначения, связаны с многими проблемами, не решенными до 1917 г. [4, с. 15]. Но если исторически ранее сформировавшиеся основные подходы к правовому регулированию церковного имущества сегодня восстанавливаются, то в уголовно-исполнительной системе это предстоит еще только сделать. В связи с этим одним из вопросов для разрешения разногласий во взаимоотношениях РПЦ и иных конфессий и ФСИН является правовой режим имущества религиозного назначения, находящегося в местах лишения свободы. Сложность его со-

стоит в том, что, наряду с теоретическим обоснованием гражданско-правовых вопросов религиозного имущества, аспектов отношений собственности с его участием, немаловажным является законодательное определение порядка пользования этим имуществом, учитывая, что находится оно на объектах со специальными режимными административно-правовыми требованиями.

Общие начала таких режимов находятся в гражданско-правовой плоскости, используются правовые нормы, определяющие основу существования и функционирования различного имущества. В этом случае основной является модель правового регулирования имущества религиозного назначения, создаваемая сегодня в России, тогда как механизмы правовой регламентации такого имущества в условиях исполнения наказания в виде лишения свободы, критерии его классификации в рамках позитивного права и законодательства, установление порядка функционирования, развитие и совершенствование нуждаются в научных исследованиях.

Первоначально институт регламентации имущества религиозного назначения формировался в каноническом праве. На протяжении длительного времени он прошел путь от достижения полной самостоятельности в виде церковной собственности (XV–XVI вв.) до ограничения правовыми государственными актами (XVII–XIX вв.). Начиная со второй половины XIX в. правовой режим имущества религиозного назначения дополняется государственно-правовым регулированием; нормы позитивного права, по сравнению с каноническим правом, преобладают в механизме правового регулирования. Однако этот период длился недолго, после революции 1917 года в гражданском законодательстве создается усеченный вариант института собственности, не предусматривающей такую ее форму, как имущество религиозных организаций. Более того, декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»² РПЦ и другие религиозные сообщества лишались прав юридического лица и, соответственно, любых возможностей пользования и распоряжения имуществом религиозного назначения. Однако это все в прошлом. Сегодня религиозные организации являются субъектами гражданского права и наделяются всеми необходимыми правовыми средствами для участия в социальных отношениях, сохраняя при этом внутрицерковное регулирование.

² Об отделении церкви от государства и школы от церкви: декрет СНК РСФСР от 23 янв. 1918 г. // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 1. С. 861.

485 churches, 77 chapels, 6 bell-towers of the ROC, 61 Islamic mosques, 10 Buddhist churches, 3 Roman catholic churches of the ROC, more than 700 prayer rooms¹.

Resulting from the cooperation agreement between the Russian Federal Penal Service and the ROC, with blessing of Patriarch Kirill of Moscow and All Russia, emergency funds at orthodox livings were created for the convicts being released from prison [5, pp. 8–19].

The buildings of prison churches are mainly erected on the restricted access territories of correctional facilities and are under their operative administration; within the penitentiary system, there are no legal acts for passing them over to be supervised by the corresponding religious organizations. Correspondingly, the position of the penal system representatives is not defined concerning the future of the property for religious purposes and the legal forms of settling the issues associated with its use. Against this background, the ROC representatives voice reasonable fears concerning the possible situations when the churches will not be used for their direct purpose and exceptionally by the religious organization that had built them. Moreover, every piece of property should be legally confirmed, particularly the church property, which can be involved into civil and other relations only after it passes through the legal regulation procedures.

Problems of the Religious Property Legal Regime

The legal issues of possessing and using religious property are one of the most important and complicated problems for the society. In the literature, a reasonable attention is given to the fact that the active disputes on the church property are connected with numerous problems that had not been solved before 1917 [4, p. 15]. Historically formed principal approaches to the legal regulation of church property are now being restored, whereas in the PS this process is only expected to start. For this reason, one of the questions for overcoming disagreements in the relations of the ROC / other confessions and the Federal Penitentiary Service is the legal regime of the religious purpose property located in the places for confinement. The complicat-

¹ Brief description of the penal system. Available at: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (accessed 01.02.2017).

ed character of this question results from the fact that, together with the theoretical justification of the civil legal issues concerning religious property and aspects of property relations involving it, of great importance is legal definition of the procedures of its usage, taking into account the fact it is located at the objects with special administrative legal requirements.

The general principles of such regimes originate from the civil law sector as they use the legal norms defining the basis of any property existence and functioning. In this case, the basis is the model of legal regulation of the religious purpose property which is now being developed in Russia, while the mechanism of such property legal regulation in the conditions of confinement, the criteria of its classification inside positive law and legislation, setting the order of its functioning, its development and improvement need scientific research.

Originally, the institute of regulation of property for religious purposes developed in canon law. It made its way from enjoying the full autonomy in the form of church property (15–16th centuries) to being limited by legal state acts (17–19th centuries). Starting from the second half of the 19th century, the legal regime of property for religious purposes turns to be additionally regulated by the state; the norms of positive law prevail in the legal regulation mechanism, as compared to those of canon law. However, this period was not long: after the revolution of 1917, a cut version of the institution of property was introduced into the civil legislation, which did not provide for such a form of property as property of religious organizations. Moreover, according to the Decree of the RSFSR Council of People's Commissars of January 23, 1918 "On the Separation of Church from State and School from Church"², the ROC and other religious communities lost their rights as legal persons and, correspondingly, any opportunity to use and manage the property for religious purposes. However, these are the things of the past. Today religious organizations are subjects of civil law and are granted with all the necessary means for participating in social relations preserving their internal administrating.

² On the Separation of Church from State and School from Church: Decree of the RSFSR Council of People's Commissars of January 23, 1918. *Consolidated Statutes of the RSFSR*. 1988. Vol. 1. P. 861.

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 01.02.2017).

По мнению Н. И. Алексеевой, формируя правовой режим имущества религиозного назначения, необходимо учитывать все составляющие правовой системы российского общества, в том числе и международные нормы, которые входят в ее состав, а также канонические нормы, которые являются составляющей частью уставов религиозных организаций [1, с. 114–121]. Соглашаясь с Н. И. Алексеевой, отметим, что необходима единая концепция регулирования собственности религиозного назначения, предусматривающая единство норм канонического и позитивного права. Это необходимо по нескольким соображениям.

Во-первых, полноценное существование, участие в механизме правового регулирования отношений собственности относительно имущества религиозного назначения возможно только в случае, если положения канонических норм о собственности на имущество религиозного назначения трансформированы в нормы позитивного (и не только гражданского) права. Во-вторых, РПЦ и другие религиозные организации все активнее принимают участие в деятельности государственных учреждений и органов (вооруженные силы, уголовно-исполнительная система (особенно места лишения свободы), больницы и др.), где накоплено значительное имущество религиозного назначения, требующее правовой регламентации нормами позитивного права.

Применительно к такому имуществу РПЦ сформулированы основные критерии его правового режима¹, не нашедшие, к сожалению, достаточного отражения в отраслевых нормах позитивного права (гражданского, уголовно-исполнительного или др.).

Вместе с тем необходимо заметить, что создание правовых режимов имущества религиозного назначения в исправительных учреждениях невозможно без исследования современной концепции государства относительно собственности религиозных организаций, которая существует в практике и обеспечивается законодательством. Однако этого недостаточно, поскольку должна быть основательная теоретическая платформа, которую можно было бы использовать для создания правовых механизмов регламентации имущества религиозного назначения в местах лишения свободы.

В целом сегодня сформулированы концептуальные подходы к определению правового режима имущества религиозного назначения как в теории и законодательстве, так и в практической деятельности. Законодательную основу правового режима имущества религиозного назначения составляют нормы Конституции Российской Федерации, устанавливающие, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ст. 8 Конституции РФ). Из этого следует, что гарантированное Конституцией РФ юридическое равенство форм собственности, равное их признание и защита означают равное признание и равную защиту всеми возможными и дозволенными средствами различных имущественных прав [8, с. 4–5].

Конституционные положения касаются имущества религиозного назначения вне зависимости, в какой социальной сфере оно используется. Имущество такого назначения в обязательном порядке должно иметь правовую основу, включая принадлежность к определенному субъекту владения и пользования им. Немаловажное значение имеют и новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), регламентирующие правовое положение религиозных организаций (ст. 123.26, 123.27 ГК РФ), а также имущества религиозного назначения (ст. 123.28 ГК РФ).

Из смысла ч. 2 ст. 123.26 ГК РФ следует, что правовое положение религиозных организаций регулируется гражданским законодательством, а также законом «О свободе совести и о религиозных объединениях»². Причем основная роль в регулировании вопросов (в том числе и гражданско-правовых), касающихся религиозных организаций, делегируется положениям данного Закона. В частности, на такой подход в правовом регулировании указывается в ч. 2 ст. 123.26 ГК РФ, которая гласит: «Положения настоящего Кодекса применяются к религиозным организациям, если иное не установлено законом о свободе совести и о религиозных объединениях и другими законами». Аналогичным образом регулируются и вопросы имущества религиозного назначения (ч. 1 ст. 123.27 ГК РФ). Следовательно, центральным звеном в регулировании как в целом деятельности религиозных организаций, так и имущества религиозного назначения являются: закон «О свободе

¹ *Положение* о канонических подразделениях Русской Православной Церкви, функционирующих на территории учреждений уголовно-исполнительной системы: утв. 29 мая 2013 г. на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви. М.: Синод. отдел Моск. патриархата по тюремному служению, 2013. С. 4–9.

² *О свободе совести и о религиозных объединениях*: Федер. закон Рос. Федерации от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 1997. № 39, ст. 4465.

In the opinion of N. I. Alekseeva, when developing the legal regime of the property for religious purposes, it is necessary to consider all the components of the Russian society legal system together with the international norms, which are included thereto, and the canon norms, which are the constituents of the religious organizations' Charters [1, pp. 114–121]. Sharing N. I. Alekseeva's views, we should note that there is a need for a unified concept of regulating the property for religious purposes providing unity of the norms of canon law and positive law. There are several reasons why the concept is necessary.

Firstly, the adequate existence of the mechanism of legal regulation of property relations with regard to the religious purpose property, and the use of this mechanism are only possible in case the provisions of canon law covering the ownership of religious property are transformed into the norms of positive (and not exceptionally civil) law. Secondly, the ROC and other religious organizations are getting more and more active in participating in the activities of the state organizations and bodies (military forces, penal system – especially, places for confinement, hospitals and others), where has been accumulated a significant amount of religious property that requires legal regulation by the positive law norms.

Regarding such property, the ROC has formulated principal criteria of its legal regime¹, which unfortunately were not properly supported by the norms of positive law in the relevant branches (civil law, criminal procedural law or others).

With this, it is noteworthy that the development of the religious property legal regimes in correctional facilities cannot be performed with no research on the modern concept of the state concerning property of religious organizations, which actually exists and is legislatively settled. However, this research itself is not enough, because there should be a solid theoretical platform that could be used for the creation of the legal mechanisms of regulating the property for religious purposes in places for confinement.

¹ *Regulation on the Canonical Subdivisions of the Russian Orthodox Church Functioning on the Premises of the Penal System Facilities* (approved on May 29, 2013 at the meeting of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church). Moscow, Synodal Department of the Moscow Patriarchate on Ministering in Prisons, 2013. Pp. 4–9.

In general, as of today, the conceptual approaches to defining the legal regime of the religious purpose property have been formulated both theoretically/ legislatively and for practical activities. The legislative basis of the religious property legal regime are the norms of the Russian Federation Constitution, stating that in the Russian Federation, private, state, municipal and other forms of property are acknowledged and equally protected (Article 8 of the RF Constitution). Thus, the constitutionally guaranteed juridical equality of the forms of ownership, their equal acknowledgement and protection mean the equal acknowledgement and equal protection of the various ownership rights by all possible and allowed means [8, pp. 4–5].

The constitutional provisions cover the property for the religious purposes regardless of the social sphere it is used in. The property of such a purpose should obligatorily have legal grounds, including its being assigned to a definite object possessing and using it. The novelties of the Russian Federation Civil Code (hereinafter – the RF CC) regulating the legal status of religious organizations (Articles 123.26, 123.27 of the RF CC), and also of the property for religious purposes (Article 123.8 of the RF CC) are also of no little importance.

As it follows from the implication of part 2 of Article 123.26 of the RF CC, the legal status of religious organizations is regulated by civil legislation, and also by the Law “On the Freedom of Conscience and Religious Associations”². With this, the principal role in regulating issues (including the civil legal issues) associated with religious organizations is delegated to the provisions of the Law “On the Freedom of Conscience and Religious Associations”. In particular, such a legal regulation approach is highlighted in part 2 of Article 123.26 of the RF CC, which runs that “the provisions of this Code are applied to religious organizations if not stated otherwise by the Law “On the Freedom of Conscience and Religious Associations” or by other laws”. The issues of the religious property are regulated in a similar way (part 1 of Article 123.27 of the RF CC). Therefore, Law

² *On the Freedom of Conscience and Religious Associations*: Federal Law of September 26, 1997 No. 125-FZ (as revised of July 6, 2016). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 1997. No. 39. Art. 4465.

совести и о религиозных объединениях» и закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»¹. Эти два закона отразили некоторые положения канонического церковного права относительно различных видов имущества религиозного назначения.

Традиционно имущество религиозного назначения (церковное имущество) принято подразделять на священные вещи, предназначенные специально для совершения богослужения, и иное церковное имущество, служащее для конкретных целей: недвижимость, движимость и деньги, предназначенные на содержание церквей, духовенства и на удовлетворение общецерковных нужд, например на содержание духовных школ. Священные предметы подразделяются на священные изначально по своему происхождению и освященные. Вещь становится священной через ее освящение или через самый характер ее употребления. Это может быть как движимость, так и недвижимость. Кроме храмов священными предметами признаются сосуды священные (потир, дискос, копие, дарохранительница и др.), а также все на престольные предметы (Евангелие, на престольные кресты, покровы священных сосудов, одежды на престоле и жертвеннике).

К освященным относятся предметы недвижимости (молитвенные дома, часовни), а также движимые вещи (купели, ковши, кропила, кадилницы, паникадила, лампы, подсвечники, поставленные на них свечи, богослужебные книги, колокола и др.). Важнейшим из церковного имущества является здание храма, в котором совершаются Божественная литургия и другие богослужения. С момента освящения храм становится святым местом. Некоторые части, предметы храма становятся неприкосновенными для мирян. Например, через царские врата не может проходить никто, кроме священнодействующих лиц [7, с. 420–422].

Закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» также содержит понятие имущества религиозного назначения и критерии его классификации. В части 1 статьи 2 устанавливается, что «имущество религиозного назначения – это недвижимое имущество (по-

мещения, здания, строения, сооружения, включая объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, монастырские, храмовые и (или) иные культовые комплексы), построенное для осуществления и (или) обеспечения таких видов деятельности религиозных организаций, как совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, проведение молитвенных и религиозных собраний, обучение религии, профессиональное религиозное образование, монашеская жизнедеятельность, религиозное почитание (паломничество), в том числе здания для временного проживания паломников, а также движимое имущество религиозного назначения (предметы внутреннего убранства культовых зданий и сооружений, предметы, предназначенные для богослужений и иных религиозных целей)».

Основным критерием определения имущества, имеющего религиозное предназначение, как и в канонах церковного права, является его целевое назначение, выраженное либо изначально с началом строительства (создания), либо же процессом использования в связи с историческим предназначением.

Таким образом, принимая во внимание классификацию имущества религиозного назначения, существующую в канонических нормах церковного права и российском законодательстве, имущество данного назначения, находящееся в исправительных учреждениях, следует учитывать по нескольким группам, соответственно отразив его документально в случае проведения инвентаризации:

1. Недвижимое имущество религиозного назначения: храмовые и иные культовые комплексы, построенные для богослужения, молитвенных и религиозных собраний, других религиозных обрядов и церемоний, обучения религии, профессионального религиозного образования и т. п.

2. Предметы внутреннего убранства культовых зданий и сооружений, а также то, что используется для религиозных целей (предметы храмового пространства): священные предметы, предметы религиозного поклонения, в том числе принадлежности и части, составляющие с этими предметами единое целое (облачение, покровы, иконные доски, ризы, рамки икон); предметы храмового убранства и архитектурные элементы храма, а также принадлежности и части, составляющие с этими предметами единое целое, в том числе облачения для аналоя, стаканчики и поплавки для лампад.

3. Вспомогательные предметы, относящиеся к имуществу религиозного назначения:

“On the Freedom of Conscience and Religious Associations” and Law “On the Transfer of the Religious Purpose Property Possessed by the State or Municipal Authorities to Religious Communities”¹ are the central core of regulating the religious associations’ activities in general and the religious property in particular. These two laws reflected some of the provisions of canon church law concerning the different types of the property for religious purposes.

Traditionally, the property of religious purpose (the church property) is divided into the ceremony tools intended for the acts of worship, and the other church property used for specific purposes – real estate, movable property, money for maintaining churches, priests and satisfying the general church needs – for example, maintaining church schools. The ceremony tools are divided into the items which are sacred by origin and items which are sanctified. An item becomes sacred through its sanctifying or through the very character of its use. An item can be a real estate item or a movable property item. Besides churches, the sacred items are vessels (chalices, discs, lances, pyxes and others) and all the items appertaining to the altar (the Christian volume, altar crosses, coverings for the sacred vessels, coverings for altar and for the credence table).

The sanctified items are the real estate items (church houses, chapels), and movable items (laver, scoops, aspergilla, censers, chandeliers, icon lamps, candle sticks and candles fitted in them, liturgy books, bells and others). The most important church property is the building of the church where the Divine Liturgy and other servicing are held. From the moment of sanctification, the church becomes a sacred place. Some of its parts and items become untouchable for laity. For example, the Holy Doors can be entered by no one except for priests [7, pp. 420–422].

Law “On the Transfer of the Religious Purpose Property Possessed by the State or Municipal Authorities to Religious Communities” also contains

¹ On the Transfer of the Religious Purpose Property Possessed by the State or Municipal Authorities to Religious Communities: Federal Law of the Russian Federation of November 30, 2010 No. 327-FZ (as revised of 23.06.2014). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2010. No. 49. Art. 6423.

the definition of the property for religious purposes and the criteria of its classification. Part 1 of Article 2 states that the “property of religious purpose is the real estate (rooms, buildings, erections, constructions, including the cultural heritage sites of the Russian Federation peoples (historical and cultural monuments); monastery, church and/or other cult complexes built for performing and/or providing such activities as ministering, other religious rituals and ceremonies, organizing prayer and religious meetings, religious training, professional religious education, monastic activities, religious devotion (pilgrimage), including buildings for temporary location of the pilgrims; and the movable property of religious purpose (items of the interior decoration of the cult buildings and erections, items intended for ministering and other religious applications)”.

The principal criteria for defining the religious property, just like in the church law canons, is its purpose expressed either originally at the beginning of the construction (creation), or later by the process of its use resulting from its historical purpose.

Thus, considering the classification of the property of religious purpose adopted in the church law canon norms and the Russian legislation, this property located at correctional facilities should be recorded in groups and legitimized in documents for the possible inventory.

1. Real property of religious purpose: church and other cult complexes built for ministering, prayer and religious meetings, other religious rituals and ceremonies, for religious training, professional religious education and etc.;

2. Items of the internal decoration of the cult buildings and erections, and the things used for religious purposes (items of the church space): sacred items, items of religious worships, including belongings and components making up a unity with these items (robes, coverings, wooden panels, curtains, icon frames), items of the church decorations and architectural elements of the church, and belongings/ components making up a unity with these items, including coverings for the analogion and floats for icon lamps.

3. Auxiliary items of religious property:

¹ О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности: Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 2010 г. № 327-ФЗ (ред. от 23.06.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 49, ст. 6423.

а) предметы, необходимые для отправления богослужений, обрядов и церемоний; б) специализированные вспомогательные предметы, необходимые для хранения, установки, функционирования и перемещения предметов религиозного назначения; в) издательская продукция религиозного назначения.

Приведенные выше группы имущества религиозного назначения в канонических нормах церковного права имеют различное функциональное предназначение, что должно учитываться гражданским и уголовно-исполнительным законодательством при регламентации правового режима данного имущества.

Нормы церковного права определяют, что устройство церквей, их внешний и внутренний вид должны соответствовать назначению; также существует особый порядок начала строительства; постройка или перестройка храма производится с ведома правящего епархиального архиерея. При разборке церкви материал, из которого она сделана, считается священным, поэтому не подлежит обычной утилизации, а употребляется при строительстве нового храма. Священно и место, прилегающее к храму. Особое внимание обращается на значение храма как выражающего сущность Церкви Христовой, что влечет за собой постоянство принципов его устройства, их каноничность на основе церковного Предания, сохраняющего общие правила и принципы его построения [6, с. 312–328].

Кроме того, нормы церковного права содержат определенные ограничения, касающиеся распоряжения всеми видами церковного имущества, но наиболее строгие правила действуют в отношении священных предметов. Так, по каноническим нормам, они не подлежат отчуждению ни в какой форме (73-е Апостольское правило), могут употребляться только в богослужебных целях в конкретном храме. Передача (но не продажа) такого имущества другому каноническому подразделению Русской православной церкви возможна только с разрешения священноначалия. О передаче государственному учреждению (в том числе учреждению УИС) не может быть и речи. Требуют правового решения вопросы принадлежности храмов, церквей на территории исправительных учреждений, а также любое иное имущество, используемое священнослужителями при совершении служб и обрядов.

Поскольку правовой режим имущества религиозного назначения на территориях исправительных учреждений ФСИН России остается неопределенным, это отрицательно сказывается на развитии взаимоотношений религиозных организаций и ФСИН России, что, разумеется, не

способствует реализации задач тюремного служения, определенных в постановлениях Архиерейских соборов Русской православной церкви 2011 и 2013 годов¹. Вместе с тем современный уровень взаимодействия ФСИН РФ с религиозными и общественными организациями характеризуется активным участием служителей Церкви в исправлении осужденных и предупреждении рецидива. В республиках и областях управления исполнения наказаний заключили договоры о сотрудничестве с местными епархиальными управлениями; за каждым местом лишения свободы закреплены священнослужители. В ряде исправительных учреждений священнослужители целенаправленно ведут индивидуальную работу с трудновоспитуемыми осужденными, злостными нарушителями режима. В некоторых колониях работают постоянные воскресные церковные школы для желающих их посещать осужденных.

С уголовно-исполнительной системой взаимодействуют многие религиозные организации различного вероисповедания. Со своими прихожанами, имуществом религиозного назначения, различиями в традициях и т. д., но не имеющие серьезной нормативной основы. В силу этого они вынуждены создавать внутриорганизационные нормы, регулирующие тюремное служение, которые не могут обеспечить должный уровень взаимодействия религиозных организаций с учреждениями УИС, поскольку являются обязательными только для их членов и зачастую даже не известны сотрудникам УИС (например, «Положение о канонических подразделениях Русской Православной Церкви, функционирующих на территории учреждений уголовно-исполнительной системы» (далее – Положение), которое принято в развитие п. 42 определения Священного Архиерейского Собора от 4 февраля 2011 г. «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской православной церкви» и п. 39 постановления Священного Архиерейского Собора Русской православной церкви от 5 февраля 2013 г. и является внутрицерковным документом, определяющим механизмы административно-церковного управления и статус канонических подразделений Русской православной церкви, которые создаются и функционируют на режимной территории учреждений уголовно-исполнительной системы). Этот документ не решает вопросов правового режима тюремных храмовых со-

¹ Постановления Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви: офиц. сайт Моск. патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document> (дата обращения: 01.02.2017).

a) items necessary for ministering, for rituals and ceremonies; b) special auxiliary items necessary for storing, adjustment, functioning and relocation of the religious property items; c) printed materials of religious purpose.

The above categories of the religious purpose property have different functions in accordance with the church law canon norms, which should be considered by the civil and penal legislation in regulating the legal regime of this property.

The norms of church law define that the churches' arrangement, their internal and external appearance should comply with the purpose. There is a special order for starting the construction works. Building and rebuilding of a church is performed with the consent of the leading bishop of the eparchy. During dismantling of a church, the material used for constructing it is considered to be sacred, and so should not be recycled in a usual way, but should be re-used for building another church. The area adjoining a church is also considered to be sacred. A special attention is given to the significance of a church as a place expressing the essence of the Church of Christ, which means the consistence of the principles of its arrangement, their canonicity on the basis of the church Tradition containing the general rules and principles of its construction [6, pp. 312–328].

Moreover, the norms of church law include definite limitations concerning management of all the types of the church property, with the strictest rules affecting the sacred items. For example, according to the canon norms, they are not subject to any type of alienation (Apostolic Rule 73), can be used only for ministering purposes in a specific church. Transfer (but not selling) of this property to another canonical subdivision of the Russian Orthodox Church is only possible with the permission of the hierarchy. The property transfer to any state organization (including a penal system establishment) is out of question. The legal clarification is required for the questions of the ownership of churches located in the premises of correctional facilities as well as of any other property used by clergymen in rituals and ceremonies.

As the legal regime of the religious purpose property at correctional facilities of the Russian Federal Penitentiary Service is not clear, it has a negative impact onto the development of relations between religious organizations and the Peniten-

tiary Service, which does not facilitate the accomplishment of the tasks of prison ministering specified in the Regulations of the Bishop's Council of the Russian Orthodox Church of 2011 and 2013¹. With this, the current interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and religious organizations is characterized by an active participation of churchmen in correcting the behavior of convicts and in preventing the post-penitentiary recidivism. In the republics and regions, the territorial bodies of the Service concluded agreements on cooperation with the local diocesan authorities, assigning churchmen to every place for confinement. In a number of correctional facilities, churchmen are engaged in the focused individual work with intractable convicts. In some of the prisons, there are permanent Sunday schools attended by the interested convicts.

There are many religious organizations cooperating with the penal system. They have their own parishioners, religious property, their peculiar traditions, but they do not have a serious normative basis. For this reason, they are forced to develop internal organizational norms regulating ministering in prison, which are not capable of providing the proper level of cooperation between religious organizations and the PS establishments, as they are mandatory only for the members of the religious organization and are often even not known to the PS officials. For example, the "Regulation on the Canonical Subdivisions of the Russian Orthodox Church Functioning on the Premises of the Penal System Institutions" (hereinafter referred to as the Regulation), which was introduced to improve Item 42 of the Decision of the Sacred Bishop's Council of February 4, 2011 "About the Issues of the Internal Life and External Activities of the Russian Orthodox Church" and Item 39 of the Decision of the Sacred Bishop's Council of February 5, 2013, is an internal church document defining the mechanisms of the administrative church management and the status of the canonical subdivisions of the Russian Orthodox Church created and functioning at the restricted access territory of correctional facilities. This document does not settle the issues of the legal regime of the churches

¹ Regulations of the Sacred Bishop's Council of the Russian Orthodox Church. Official web-site of the Moscow Patriarchate. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/document> (accessed 01.02.2017).

оружений, функционирующих в исправительных учреждениях УИС, хотя и предлагает некоторые варианты правового определения храмов в позитивном законодательстве.

Согласно пункту 1.1 Положения¹, канонические подразделения Русской православной церкви (далее – «тюремный храм») могут создаваться и функционировать на режимной территории учреждений уголовно-исполнительной системы, при этом тюремные храмы могут регистрироваться в качестве юридического лица (религиозной организации) либо функционировать без такой регистрации (п. 1.2).

Тюремный храм может быть зарегистрирован в качестве юридического лица (религиозной организации) по адресу местонахождения учреждения УИС в форме епархиального Подворья, при этом его устав должен соответствовать типовой форме, принятой Священным Синодом Русской православной церкви, утверждается епархиальным архиереем и вступает в силу с момента государственной регистрации Подворья (п. 2.1, 2.2 Положения).

Епархиальное Подворье может иметь в собственности или на ином праве имущество, необходимое для осуществления и обеспечения деятельности Подворья. В случае передачи в собственность либо безвозмездное пользование епархиального Подворья государственного имущества религиозного назначения, находящегося в оперативном управлении учреждения УИС, право оперативного управления учреждения УИС подлежит прекращению в соответствии с действующим законодательством (п. 2.7 Положения). Также Епархиальное Подворье может размещаться на основании «Соглашения о сотрудничестве» в зданиях (помещениях), находящихся в оперативном управлении учреждения УИС, без оформления имущественных прав Подворья на данные здания (помещения) и, соответственно, без прекращения принадлежащего учреждению УИС права оперативного управления в отношении зданий (помещений) (п. 2.8 Положения).

Тюремный храм также может функционировать без государственной регистрации в качестве юридического лица в форме приписного тюремного храма и находиться в ведении канонического подразделения епархии Русской православной церкви (прихода, подворья или монастыря), расположенного, как правило, в одном городском или сельском поселении с учрежде-

нием УИС (п. 3.1, 3.2 Положения). Данное каноническое подразделение осуществляет все юридически значимые действия (включая заключение договоров) в интересах приписной тюремной храма и обеспечивает приписной тюремный храм необходимой богослужебной утварью и другими предметами церковного обихода, необходимыми для осуществления пастырского душепопечения о лицах, заключенных под стражу (п. 3.2 Положения).

Поскольку приписной тюремный храм не обладает правами юридического лица, он не может иметь имущество в собственности или на ином имущественном праве (п. 3.4 Положения). В случае передачи под нужды приписной тюремной храма государственного имущества религиозного назначения, находящегося в оперативном управлении учреждения УИС, данное имущество оформляется в собственность или безвозмездное пользование епархии либо канонического подразделения епархии, в ведении которого находится приписной тюремный храм; в таком случае право оперативного управления учреждения УИС подлежит прекращению в соответствии с действующим законодательством (п. 3.5 Положения).

Приписной тюремный храм также может размещаться в зданиях (помещениях), находящихся в оперативном управлении учреждения УИС, без оформления имущественных прав епархии (иного канонического подразделения) на данные здания (помещения) и, соответственно, без прекращения принадлежащего учреждению УИС права оперативного управления в отношении зданий (помещений); в таком случае между епархией (иным каноническим подразделением) и УИС заключается «Соглашение о сотрудничестве» (п. 3.6 Положения).

Таким образом, согласно действующему законодательству, возможны следующие варианты оформления взаимоотношений по использованию религиозной организацией зданий (помещений), расположенных на территории учреждений УИС:

1) получение здания (помещения) религиозного назначения (в том числе вновь построенного), расположенного на режимной территории учреждения УИС, в безвозмездное пользование;

2) получение здания (помещения) религиозного назначения (в том числе вновь построенного), расположенного на режимной территории учреждения УИС, в собственность;

3) заключение с УФСИН Соглашения о сотрудничестве, по которому учреждение УИС сохраняет право оперативного управления в отношении здания (помещения). Религиозная организация в этом случае не приобретает имуще-

functioning at correctional facilities of the PS, although it proposes some of the variants of establishing the church legal regime in positive legislation.

In accordance with Item 1.1 of the Regulation¹, the canonical subdivisions of the Russian Orthodox Church (hereinafter – prison chapels) can be created and can function at the restricted access territory of the penal system facilities; with this, prison chapels can be registered as legal persons (religious organizations) or can function with no registration of the kind (Item 1.2).

A prison chapel can be registered as a legal person (religious organization) in the form of the diocesan metochion at the address of the PS institution location; its Charter should comply with the typical form adopted by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church, should be approved by the Eparchial Bishop and comes into effect from the moment of the state registration of the Metochion (Item 2.1, 2.2 of the Regulation).

A diocesan metochion can own or have at its disposal property necessary for organizing and maintaining the metochion's activities. In case the state property of religious purpose operatively controlled by the PS facility is granted for free use to the diocesan metochion, the PS facility's right to the operative control should be terminated in accordance with the legislation in force (Item 2.7 of the Regulation). Besides, on the basis of the Cooperation Agreement, a diocesan metochion can be located in the buildings (rooms) under the operative control of the PS facility, with no registration of the ownership rights of the diocesan metochion for these buildings (rooms) and correspondingly with no termination of the PS facility's right to the operative control of the buildings (rooms) (Item 2.8 of the Regulation).

A prison chapel can also function with no state registration as a legal person in the form of an attached prison chapel and be controlled by the canonical subdivision of the diocese of the Russian Orthodox Church (a living, a metochion, or a monastery) located as a rule in the same town or rural settlement with the PS facility (Item 3.1, 3.2 of the

Regulation). This canonical subdivision performs all juridically meaningful actions (including making agreements) for the convenience of the attached prison chapel and provides the attached prison chapel with the necessary ministering items and other things of daily use necessary for the pastoral care of the convicts (Item 3.2 of the Regulation).

As far as an attached prison chapel does not possess the rights of a legal person, it cannot own property or have it through other property rights (Item 3.4 of the Regulation). In case the property of the religious purpose operatively controlled by the PS establishment is transferred to the attached prison chapel to be used for its needs, the property is registered as that owned or used by the diocese or the canonical subdivision of the diocese which supervises the attached prison chapel; in this case, the PS institution's right to operative control should be terminated in accordance with the legislation in force (Item 3.5 of the Regulation).

Besides, an attached prison chapel can be located in the buildings (rooms) under the operative control of the PS establishment with no registration of the ownership rights of the diocese (or other canonical subdivision) for these buildings (rooms) and correspondingly with no termination of the PS establishment's right to operative control of the buildings (rooms); in this case, the diocese/another canonical subdivision and the PS establishment conclude an Agreement of Cooperation (Item 3.6 of the Regulation).

Thus, in accordance with the current legislation, the following variants are possible for legitimizing the relations concerning the use by a religious organization of the buildings (rooms) located at the territory of the PS establishments:

1) assigning the religious purpose buildings (rooms), including newly built ones, located at the territory of the PS establishment for a free use;

2) obtaining ownership of the religious purpose building (room), including newly-build ones, located at the territory of the PS establishment;

3) concluding a Cooperation Agreement with the Administration of the Federal Penitentiary Service, which allows the PS establishment to retain the operative control right regarding the building (room). In this case, the religious organization does not obtain property rights for the

¹ *Положение* о канонических подразделениях Русской Православной Церкви, функционирующих на территории учреждений уголовно-исполнительной системы. М.: Синод. отдел Моск. Патриархата по тюремному служению, 2014. 27 с.

¹ Regulation on the Canonical Subdivisions of the Russian Orthodox Church Functioning on the Premises of the Penal System Facilities. Moscow, Synodal Department of the Moscow Patriarchate on Ministering in Prisons, 2014. 27 p.

ственных прав на здание, но может использовать его для осуществления тех видов уставной деятельности, которые предусмотрены Соглашением о сотрудничестве.

Пункт 4.2 главы 4-й приведенного Положения гласит, что епархиальные архиереи по собственному усмотрению выбирают из четырех вышеперечисленных наиболее приемлемый вариант оформления взаимоотношений по использованию зданий храмов, расположенных на территории исправительных учреждений. Однако приведенные выше способы определения правового статуса храмов в местах лишения свободы предлагаются РПЦ, но не прописаны в официальном, государственном законодательстве и не имеют юридической силы.

Прежде чем эти способы найдут отражение в законодательстве, они должны быть согласованы с Министерством юстиции Российской Федерации, являющимся федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, а также с ФСИН России, выступающим субъектом в договорных отношениях о взаимодействии с РПЦ.

В настоящее время храмы и молитвенные комнаты в зданиях находятся в оперативном управлении администрации исправительных учреждений и предоставляются представителям епархиального клира для проведения богослужений. В таком режиме они действуют в учреждениях УИС более двух десятилетий, и такая практика не вызвала возражений ни со стороны администрации подразделений ФСИН России, ни со стороны епархиальных архиереев. Вместе с тем, по мнению председателя Синодального отдела Московского патриархата епископа Красногорского Иринарха, требуется принятие решений на правительственном уровне для правовой легализации этих взаимоотношений [5, с. 57–83]. Необходима законодательная деятельность, в том числе ведомственного характера, направленная на формирование правовой основы института религиозной собственности в местах лишения свободы.

Все последние годы сотрудничества усилия Синодального отдела по тюремному служению и ФСИН России были направлены на формирование института тюремных священнослужителей, создание в этих целях законодательной основы. Результатом такой законодательской деятельности стал Федеральный закон от 20 апреля 2015 г. № 103-ФЗ, внесший изменения, дополнения в ст. 14 УИК РФ, регламентирующую порядок проведения религиозных обрядов в раз-

личных видах исправительных учреждений и условиях отбывания лишения свободы. Этим же законом в УИК РФ включена законодательная новелла следующего содержания: «В целях обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в учреждениях, исполняющих наказания, федеральный орган уголовно-исполнительной системы заключает с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями соглашения о взаимодействии. Территориальные органы уголовно-исполнительной системы в соответствии с указанными соглашениями вправе по согласованию с федеральным органом уголовно-исполнительной системы заключать соглашения о взаимодействии с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями» (ч. 4.1 ст. 14 УИК РФ).

Анализ деятельности территориальных органов УИС по осуществлению взаимодействия с религиозными организациями свидетельствует о том, что эти изменения в законодательстве актуальны. Практически во всех субъектах Российской Федерации заключены договоры о взаимодействии территориальных органов уголовно-исполнительной системы с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями. Причем такие соглашения заключаются непосредственно между исправительными учреждениями и религиозными организациями, что, в условиях отсутствия должной законодательной основы, безусловно, важно.

Данная новелла уголовно-исполнительного законодательства открывает возможности для формирования договорных отношений по поводу использования имущества религиозного назначения, осуществления мероприятий по содержанию убранию храмов, строительства новых и др. Вместе с тем в текст договоров практически не включаются положения о правовом режиме храма на территории исправительного учреждения, правовых формах его связи с конкретной религиозной организацией, сроках использования и дальнейшей судьбе в случае упразднения или реорганизации исправительного учреждения (в период с 2011 по 2016 г. по различным причинам ликвидированы 87 исправительных учреждений).

Договоры о взаимодействии с РПЦ, заключаемые территориальными органами управления УИС, в основном содержат общие положения о взаимодействии без конкретизации вопросов, которые не нашли пока отражения в законодательстве. Следует заметить, что сами священнослужители не задаются вопросами о пра-

building but can use it for performing the types of activities as per the Charter listed in the Cooperation Agreement.

Item 4.2 of Chapter 4 the mentioned Regulation runs that diocesan bishops at their own discretion choose the most acceptable variant from the four variants of using the buildings of churches located at correctional facilities. However, the above ways of defining the status of churches located in places for confinement are proposed by the Russian Orthodox Church but are not settled in the official state legislation and are not legitimate.

Before these variants are settled in the legislation, they are to be approved by the Ministry of Justice of the Russian Federation, which is the federal body of executive power having the functions of development and implementation of the state policy and normative legal regulation in the sphere of executing criminal punishment, and by the Federal Penitentiary Service, acting as the subject of contractual relations on cooperation with the ROC.

At present, chapels and prayer rooms are under the operative control of the administration of correctional facilities, and the representatives of the diocesan clergy are allowed to hold services therein. This regime has been practiced for more than twenty years, and this state of things has not provoked objections neither from the administration of the divisions of the Russian Federal Penitentiary Service nor from the diocesan bishops. With this, in the opinion of the chairman of the Synod Department of the Patriarchate of Moscow, bishop Irinarh of Krasnogorsk, there is a need for decisions at the government level for the legitimization of these relations [5, pp. 57–83]. Law-making activities are required, including these within the penitentiary system, aimed at creating the legal basis for the institute of religious property in the places for confinement.

Over recent years, all the joint efforts of the Synod Department for Ministering in Prisons and the Russian Federal Penitentiary Service were aimed at forming the institution of prison clergymen and creating the legislative basis for this purpose. As a result, Federal Law of April 20, 2015 No. 103-FZ was adopted, which introduced changes and amendments to Article 14 of the RF Penal Code regulating the procedure for conducting reli-

gious rituals in different types of correctional facilities in the conditions of confinement. This law also introduced into the RF Penal Code the following innovation: “For the purpose of assuring freedom of consciousness and religion for the convicts in establishments executing punishment, the federal body of the penal system concludes cooperation agreements with the centralized religious organizations registered in compliance with the established procedure. In accordance with the mentioned agreements, the territorial bodies of the penal system are entitled to conclude cooperation agreements with the centralized religious organizations registered in compliance with the established procedure, with the approval of the federal body of the penal system” (Part 4.1 of Article 14 of the RF Penal Code).

The analysis of the work of territorial bodies of the penal system on cooperating with religious organizations shows that they actively use these legislative changes. Practically in all the constituent units of the Russian Federation agreements were concluded for the cooperation of the territorial bodies of the penal system with the officially registered centralized religious organizations. Moreover, such agreements are concluded directly between correctional institutions and religious organizations, what is obviously important in the absence of the legislative basis.

This innovation of the penal legislation creates the opportunities for establishing contractual relations concerning the use of the property of religious purpose, implementation of measures on the appropriate decoration of churches, construction of new churches etc. With this, texts of the contracts do not practically include the provisions about the legal regime of a church on the premises of correctional facilities, about the legal forms of its link with the specific religious organization, about the period of its use and its future in case the correctional facilities are closed or reorganized (for the period from 2011 to 2016, 87 correctional facilities were liquidated for different reasons).

Agreements of cooperation with the ROC concluded by territorial regulatory bodies of the penal system mainly contain general provisions with no specification of the issues which have not yet been settled by the legislation. It is noteworthy that clergymen themselves do not show interest in

вовом режиме тюремного храма и его дальнейшей судьбе. Проведенное интервьюирование священников (иереи и протоиереи), более 20 лет несущих послушание в местах лишения свободы и следственных изоляторах, свидетельствует: 75 % опрошенных считают, что нецелесообразно менять что-то в правовом положении храмов (все устраивает); 18 % полагают, что нужны какие-то правовые реформы с целью определения в правовом положении храма (упорядоченности); 7 % затрудняются сформулировать позицию по исследуемой проблеме.

Высказавшиеся против изменения правового режима храмов аргументировали свой ответ опасением, что в случае передачи храмов в собственность РПЦ полноценного права собственности не возникнет, поскольку храм находится на режимной территории: сотрудники УИС по-прежнему будут вмешиваться в деятельность храма; также затруднительно будет провести в храм других лиц (например, певчих), пополнять храм необходимыми для богослужений предметами и др. Приводились и другие аргументы, в частности, что надо будет оплачивать коммунальные услуги по храму, а денежных сборов, как известно, тюремный храм не имеет. Таким образом, даже небольшое социологическое исследование по рассматриваемым позициям свидетельствует о различных проблемах, требующих решения. Следует заметить, что даже в том случае, когда основные принципы правового режима тюремных храмов будут определены, необходимо указывать в договорах о взаимодействии епархий и органов управления УИС в субъектах Российской Федерации конкретные пункты по вышеназванным вопросам.

Зарубежный и российский исторический опыт взаимодействия религиозных организаций и исправительных учреждений

Практика договорного регулирования взаимоотношений Церкви и органов власти, муниципалитетов, а также тюремных учреждений развита в зарубежных государствах, что не исключает законодательного регулирования некоторых наиболее важных вопросов. Но поскольку в законодательстве всех моментов предусмотреть нельзя, то договорному регулированию отношений, особенно имущественного характера, придается основное значение. В законодательстве закрепляются только основные принципы регулирования имущественных прав религиозных организаций. Все иные вопросы регламентируются в специальных договорах (конкордатах), направленных на согласование канонических норм с публичным правом [14]. Это единая практика Евросоюза, развиваемая в

государствах на основании международных документов о правовой регламентации собственности [11]. Такие договоры не обязательно заключать на общегосударственном уровне, наоборот, предпочтительней, чтобы они имели региональный уровень, по месту регистрации и деятельности религиозной организации. Например, в Германии полномочия по заключению договоров с религиозными организациями государством делегирует федеральным землям [12]. Аналогичным образом решаются вопросы взаимоотношений государственных структур и религиозных организаций в Польше [15] и других государствах.

Общегосударственная практика договорного регулирования отношений с религиозными организациями, в том числе относительно их недвижимого имущества религиозного назначения, распространяется и на тюремные учреждения [13]. Хотя имеются некоторые особенности. Так, в большинстве европейских стран священники состоят в штатах тюремных учреждений и обеспечивают реализацию свободы совести заключенными различных вероисповеданий, а в некоторых государствах даже храмы используются осужденными католиками и православными совместно. Например, в тюрьмах федеральной земли Бавария работают представители евангелическо-лютеранской церкви и католического прихода Баварии. В крупных тюрьмах священники включены в штаты тюремных сотрудников, а в менее крупных посещают заключенных как внештатные сотрудники, проводят церковные службы, коллективные и индивидуальные беседы. Они поддерживают контакты с родственниками осужденных, оказывают осужденным помощь и поддержку в поиске новых жизненных возможностей после освобождения. В Австрии взаимоотношения между государством и римско-католической церковью также определяет не закон, а договор (конкордат) от 1933 г. Наряду со штатными капелланами к служению в тюрьмах привлекаются священники-волонтеры, которые, несмотря на теологическое образование, должны иметь правовую и психологическую подготовку. Вне зависимости от того, какую религию исповедует тюремный капеллан или священники из волонтеров, они обязаны, в соответствии с международными стандартами по правам человека, обеспечить свободу совести заключенных и создать возможность пользования тюремным храмом или молельной комнатой [15].

Необходимо заметить, что европейскую практику договорных отношений исправительных учреждений и религиозных организаций можно заимствовать с целью имплементации в российской действительности, но на основе

the issues of the prison church legal regime and its future. Interviews with clergymen (priests and archpriests) who have been serving for more than 20 years in the places for confinement and in pre-trial detention centers shows that 75 % of the respondents deem it not practical to change anything in the legal status of churches (satisfied with everything); 18 % of the respondents think that some legal reforms are needed for the clearness of the church legal status (to regularize it); 7 % of the respondents were uncertain about their position on the issue in question.

Those who were against changing the church legal regime explain their position by being worried about the possible situation when the churches are transferred to the formal ownership of the ROC with no real right to ownership as the church is located at the territory of a restricted access facility and so the penal system officials would interfere in the church activities; it would also be difficult to bring other persons (for example, choir men) to the church, to supply the church with the items necessary for worships and so on. There were some other arguments given, in particular the necessity to pay for the communal services rendered to the church whereas there is no benefaction in the prison church. Thus, even a small survey on the question in study speaks for different problems requiring solutions. One of the ways to solve them, even in case when the basic principles of the prison church regime are defined, is to have these questions covered by the agreements of cooperation between the dioceses and the regulatory bodies of the penal system in the Russian Federation constituent entities.

Foreign and Russian Historical Experience of Cooperation between Religious Organizations and Correctional Institutions

The practice of the contractual regulation of relations between the Church and the government authorities, municipal authorities and the penal system institutions is well-developed in foreign states, which does not exclude the legislative regulation of the most important issues. However, as legislation is not able to cover all the factors, the contractual regulation of relations, especially those associated with property, is given a principal meaning. The legislation settles only the main principles of regulating the religious organizations' property rights. All other issues are regulated by special contracts (concordats) aimed at harmonizing canonical norms with public law [14]. This is a uniform practice of

the European Union, being developed in the states on the basis of the international legal property regulation documents [11]. Such contracts are not necessarily concluded at the country level, vice versa – it is preferred that they have a regional status at the place of the religious organization's registration and activities. For example, in Germany, the authority to conclude contracts with religious organizations is delegated to the federated states [12]. In Poland [15] and other countries, the questions covering the relations of the governmental agencies and religious organization are treated in a similar way.

The national practice of the contractual regulation of relations with religious organizations, including relations concerning their estate property of religious purpose, extends to include prison establishments as well [13]. Although there are some specific features, because in the majority of the European countries priests are on the staff of prison establishments and provide the realization of the freedom of conscience for convicts exercising different religions, and in some of the states churches are jointly used by the convicted Catholics and orthodox Christians. For example, in prisons of the federal state of Bavaria, members of the Evangelical-Lutheran Church and of the Catholic living work together. In large prisons, priests are included into the staff, in smaller prisons they visit the convicts as part-time employees, organize worships and individual talks. They keep in touch with the relatives of the convicts, help and support the convicts in searching for new life opportunities after their release. In Austria, relations between the state and the Roman Catholic Church are also regulated not by the law but by the Contract (Concordat) of 1933. Along with staff chaplains, voluntary priests are involved in worship activities in prisons, who, in spite of their theological education, should be legally and psychologically prepared. Irrespective of what religion is practiced by the prison chaplains or voluntary priests, in accordance with the international standards on human rights they are to provide the freedom of conscience of the convicts and an opportunity to use the prison church or prayer room [15].

It is necessary to clarify that the European practice of the contractual relations between the penal system institutions and religious organizations can be borrowed to be introduced into the Russian practice, but there should be a critical

критической оценки, ориентируясь на российскую действительность, учитывая различия в видах исправительных учреждений [16]. Исправительные учреждения, где осужденные проживают в обычных жилых помещениях коллективно и с разрешения администрации могут передвигаться по территории учреждения, существенно отличаются от европейских тюрем с камерным содержанием заключенных. Также необходимо принимать во внимание многофункциональность России, историческое положение РПЦ и в то же время существование регионов с преобладанием заключенных иного вероисповедания. Представляется, что менталитет российского верующего с трудом приемлет универсальность храмов, используемых поочередно православными или католиками для проведения богослужений. Веками складывались правила автономности храмов, их принадлежности конкретному религиозному сообществу. Исторически сложилось, что проведение служб Русской православной церковью осуществляется в храмах, часовнях, домовых церквях или иных специально приспособленных помещениях и никаким другим религиозным организациям непозволительно проводить в них свои службы. Храм для православных является высшим каноническим учреждением, наделенным характерными чертами и признаками, описанными в православных канонических источниках (Библия, Евангелие и др.). Поэтому европейский опыт о наличии одного (общего) для родственных религий храма или молельной комнаты вряд ли приемлем, а в исправительных учреждениях – это потенциальная причина конфликтов между осужденными.

Уголовно-исполнительным законодательством устанавливается, что администрация исправительных учреждений, разрешая проведение осужденным религиозных обрядов и церемоний, при наличии возможности выделяет соответствующее здание (сооружение, помещение) на территории учреждения, исполняющего наказание, и обеспечивает соответствующие условия, определяемые соглашениями о взаимодействии с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями (ч. 3 ст. 14 УИК РФ). Такие положения законодательства формируются на принципе равенства всех религий (не запрещенных законодательством) и равенства осужденных перед законом (ст. 8 УИК РФ).

На этих же принципах должны строиться отношения собственности или безвозмездного пользования имуществом религиозного назначения, находящимся в сфере гражданско-правового регулирования, несмотря на специфи-

ность данного имущества и субъекта владения им (Церковь как особый субъект гражданского общества и государственно-политических отношений) в условиях лишения свободы. В этой связи видится необходимость межотраслевого взаимодействия, формирования норм гражданского права в этой сфере с учетом уголовно-исполнительных правоотношений при исполнении наказания в виде лишения свободы, особенностей их субъектов и процесса уголовно-исполнительного регулирования.

Нельзя сказать, что это исключительно новые аспекты гражданско-правового регулирования имущественных отношений в условиях лишения свободы, поскольку вопросы имущества осужденных к лишению свободы исследовались в научной литературе [9], но особенности имущества религиозного назначения, пользование им представителями РПЦ и осужденными в местах лишения свободы, первичная регламентация нормами церковного права и частично государственного (законами, рассмотренными выше) побуждают к поиску новых подходов гражданско-правового законодательства, ориентированного на уголовно-исполнительную систему, а также примеров такого законодательства в истории и практике законодательства других государств.

При определении общих основ правового режима имущества религиозного назначения, принципов его положения в системе позитивного государственного права и участия в общегражданском обороте возникают вопросы о некоторых специфических сферах деятельности РПЦ и ее правового регулирования соответственно. В частности, уголовно-исполнительная система, где, помимо гражданско-правовых режимов по поводу имущества, возникают и другие вопросы, находящиеся за пределами регулирования гражданского права.

Характерным в этом плане является имущество религиозного назначения в исправительных учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, как, собственно, и вся религиозная политика, проводимая в этой сфере в последние годы. Особенности религиозного служения в исправительных учреждениях, в отличие, например, от Вооруженных сил или больниц, определяется спецификой административно-правовых режимов функционирования исправительных учреждений, требованиями режима и правилами внутреннего распорядка, устанавливаемыми уголовно-исполнительным законодательством. Создавая институт тюремного служения, внимание акцентируется на многих проблемах, относительно новых для уголовно-исполнительной

attitude, the Russian specific realities and the differences in the types of penal establishments should be taken into account [16]. The correctional facilities where the convicts live collectively in usual rooms and can walk around the territory with the permission of the administration significantly differ from the European prisons where the convicts are kept in wards. The Russian multi-religious nature should also be taken into account, as well as the historical status of the ROC and the presence of regions where convicts exercising another religion prevail. Seemingly, the mentality of a Russian believer can hardly accept the universalism of the church used for worships by the orthodox Christians and Catholics in turn. The rules of the church autonomy and the rules of its belonging to a definite religious community have been developing for centuries. For historical reasons, worships of the Russian orthodox church are performed in churches, chapels, family chapels or other specially equipped rooms, and no other religious organizations are allowed to hold service there. For the Christians, a church is a supreme canonical establishment having specific features and characteristics described in the Christian canonic sources (the Bible, the Gospel and others). That is why the European experience of having one (common) church or prayer room for the related religions is hardly acceptable, and in correctional facilities it can be a potential reason for conflicts between the convicts.

The penal legislation states that the administration of correctional facilities, when allowing for the religious ceremonies and rituals of the convicts, allocates the corresponding building (erection, room) at the territory of the penal facilities and provides the corresponding conditions defined in the cooperation agreements with the religious organizations registered as appropriate (Part 3 of Article 14 of the RF PC). Such legislative provisions result from the principle of the equality of all the religions (those not prohibited by the legislation) and the equality of all the convicts before the law (Article 8 of the RF PC).

The same principles should be the basement for the property relations or relations concerning the use of the religious purpose property, both types of the relations being included into the sphere of the civil regulation in spite of the specific character of

this property and of the subject that owns it (the Church as a special subject of the civil society and of the state political relations) in the places for confinement. For this reason, the interbranch cooperation is needed, as well as the creation of the civil law norms in this sphere, with the account for the penal legal relations during the confinement, for the special features of their subjects and for the process of the penal regulation.

These are not absolutely new aspects of the civil regulation of property relations in the conditions of confinement, because all the issues relating to the property of the convicts were researched in the scientific literature [9]. But the special character of the religious purpose property, the use of this property by the ROC and the convicts in the places for confinement, the primary regulation by the church law norms and partial regulation by the state law (by the laws discussed above) inspires to search for new approaches of civil law-making focused on the penal system, and for the examples of such law-making in the legislative history and practice of other countries.

When defining the general framework of the legal regime of the religious property, the principles of its status in the system of positive state law and its participation in the civil turnover, questions arise about some specific spheres of the ROC activities and their legal regulation correspondingly. In particular, we mean the penal system, which, besides civil legal regimes of the property functioning, faces some other issues outside the civil law regulation.

A vivid example of this is the property for religious purposes at correctional facilities executing criminal punishment in the form of confinement, as well as the entire religious policy being followed during recent years. The peculiar feature of the religious ministering in the places for confinement, as opposed to, for example, the Military Forces or hospitals, is determined by the specificity of the administrative legal regimes of the correctional facilities' functioning, by the requirements of the regime and by the rules of internal regulation that are set by penal law. When creating the institution of prison ministering, a special attention is given to numerous problems which seem relatively new for the penal system

системы, но не являющихся таковыми объективно. Есть российский, довольно богатый, исторический опыт тюремного служения и правовой регламентации, связанных с ним вопросов, в том числе и касающихся имущества религиозного назначения. Какие-то моменты правового регулирования, правовые формы регламентации имущества религиозного назначения в местах лишения свободы можно имплементировать из европейского законодательства и практики взаимодействия тюремных учреждений с религиозными организациями, работающими в тюрьмах с заключенными.

Исторический опыт России в регламентации правового положения имущества религиозного назначения при исполнении уголовно наказанного в виде лишения свободы нуждается в критическом исследовании, на основе учета современного положения Церкви в политической системе общества, во многом отличного от дореволюционного периода. Причем основное отличие состоит в том, что в царской России Церковь со всеми своими атрибутами представляла серьезный институт государственного управления, включая и систему исполнения уголовных наказаний. С другой стороны, следует как можно более полно воспроизвести положительные примеры тюремного служения, имеющиеся в нашей истории. РПЦ на протяжении многих веков уделяла внимание местам заключения и удовлетворению религиозных нужд сидельцев, поддерживая их не только духовно, но, зачастую, и материально, помогая в удовлетворении потребностей в питании, одежде и др.

Основательно представители РПЦ «пришли в тюрьмы» с созданием Общества попечительного о тюрьмах в 1819 году. Первое Общество попечительное о тюрьмах с разрешения императора Александра I было создано 19 июля 1819 г. в Санкт-Петербурге. В каждой губернии имелся местный комитет общества, в уездах – его отделения. Перед этой организацией были поставлены задачи нравственного исправления преступников и улучшения содержания заключенных. При содействии комитетов Общества в тюрьмах стали вводиться церковные службы, началось создание тюремных библиотек, священнослужители, равно как и другие члены комитета Общества, беспрепятственно могли посещать тюрьмы и общаться с заключенными в любое время [3, с. 112].

Под руководством комитетов Общества в тюрьмах было открыто значительное количество церквей, молельных комнат, религиозное обучение включено в распорядок дня арестантов, которые обязаны были посещать такого ро-

да занятия. Примечательно, что такая деятельность РПЦ в замках и острогах, в том числе среди каторжных, довольно подробно регламентировалась в законодательстве того периода. Основным законодательным актом, регламентирующим исследуемые вопросы, был Устав «О содержании под стражей» (изд. 1890 г.), содержащий отдельные главы и параграфы по тюремному служению.

Определялось, что сооружение церквей в тех тюрьмах, где их нет, и содержание всех тюремных церквей в должном состоянии является предметом попечительства и занятий Общества попечительного о тюрьмах (ст. 67 п. 8 Устава) [10, с. 385–394]. При этом определение, при каких местах заключения, в каком количестве и с какими размерами вознаграждения должны находиться священнослужители, принадлежало Министерству юстиции по представлению начальника главного тюремного управления (ГТУ).

Расходы по их содержанию определялись исходя из общего бюджета на содержание церковнослужителей, врачебного состава и канцелярий в тюрьмах (ст. 38 Устава). Поскольку Церкви при тюрьмах устраивались специально для заключенных, то свободный вход в них посторонним лицам не разрешался, поэтому и не было привычных источников пополнения церковной казны. Источником содержания тюремных церквей служили средства местных учреждений попечительного о тюрьмах общества и пожертвования частных лиц. По этим основаниям тюремные церкви, не будучи приходскими, не подлежали обложению сборами на нужды епархии.

Более детально вопросы правового положения священников и храмов, права и обязанности священников в местах лишения свободы определялись в Инструкции смотрителю тюремного замка. Здесь же регламентировались некоторые вопросы управления, устанавливалось, что управление отдельными местами заключения составляют состоящие при сих местах священники, диаконы и псаломщики (§ 24, ст. 25 Инструкции).

Следует заметить, что в Инструкции смотрителю тюремного замка регулировались и гражданско-правовые отношения, возникающие по поводу эксплуатации тюремных храмов, строительства новых, наполнения их церковным инвентарем и всем иным необходимым оборудованием.

Таким образом, многие формы и методы деятельности комитетов Общества, организации религиозного служения в местах лишения свободы возможно применить сегодня. В исторических законодательных актах мы находим при-

but are not new in fact. There is a vast Russian historical experience of prison ministering and legal regulation of the associated issues, including those concerning the property for religious purposes. Some of the legal regulation elements, the legal forms of regulating the religious property in the places for confinement can be borrowed from the European legislation and practice of cooperation between prisons and religious organizations working with convicts in prisons.

Russia's historical experience of regulating the legal status of the religious property when executing criminal punishment in the form of imprisonment needs critical research considering the current status of the Church in the society's political system, which differs a lot from the pre-revolutionary period. The major difference is in the fact that in the Tzarist Russia the Church together with all its attributes was a serious institution of the state administration, including the penal system. On the other hand, the positive examples of ministering in prisons should be reproduced from our history to the maximum possible extent. This is because for centuries the ROC has been paying much attention to the places for confinement and satisfying the religious needs of convicts, supporting them spiritually and financially, helping them to meet the demand in food, clothes etc.

The ROC representatives actually “came to prisons” with establishing of the Prison Guarding Society in 1819. The first Prison Guarding Society was created on July 19, 1819 in St. Petersburg with the permission of Emperor Alexander I. Each province had a local committee of the society, and each district had its division. This organization was set a task of the moral correction of criminals and improving the conditions of their maintenance. With the help of the society's committees, church servicing was started in prisons, prison libraries were organized, priests and other members of the committees got an unrestricted access to prisons and could communicate with the convicts at any time [3, p. 112].

Under the guidance of the Society's committees, a significant amount of churches and prayer rooms were opened in prisons, religious training was included into the timetable of the arrestees who were to attend such classes. It is noteworthy that such ROC activities in jails and prisons, including

among convicts sentenced to penal servitude, was regulated in detail by the legislation of that period. The principal legislative act regulating the issues under research was the Charter “On the Detention of Persons” (issued in 1890) containing chapters and sections about ministering in prisons.

It was defined that building of churches in prisons and proper maintenance of all the prison churches was the subject of guidance and activities of the Prison Guarding Society (Article 68 of Section 8 of the Charter) [10, pp. 385–394]. With this, the decisions on the particular prisons for ministering, the number of churchmen and the size of their salary were taken by the Ministry of Justice upon the recommendation of the Central Prison Administration (CPA).

The church maintenance expenses were calculated based on the general budget for churchmen, doctors and the clerical office in prisons (Article 38 of the Charter). As churches in prisons were organized specially for the convicts, and unauthorized persons were not admitted, there were no traditional sources of the church fund replenishment. The source for maintaining the prison churches were the money of the local divisions of the Prison Guarding Society and donations of private individuals. For these reasons, prison churches, having no parish, were not subject to paying taxes for the diocese needs.

The issues of the legal status of the priests and churches, the duties and rights of the priests in the places for confinement were in detail settled in the Instruction of the prison warden. This document also regulated some issues of administration, it was stated that administrating of particular places of confinement was performed by priests, deacons, psalmists assigned to these places (§24 of Article 25 of the Instruction).

It is notable that the Instruction of the prison warden also regulated civil legal relations associated with the use of prison churches, building of new churches and filling them with church tools and all the necessary equipment.

Thus, many of the forms and methods of the Society committees' activities and organization of religious ministering in places for confinement can be used today. In the legislative acts of the past we can find not only examples of religious education

меры не только религиозного просвещения заключенных, но и учета имущества религиозного назначения, указания на способы строительства тюремных храмов, которые функционируют и сегодня. Немаловажным является и опыт церковной благотворительности, оказание помощи заключенным, в том числе имущественной и денежной.

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что в процессе взаимодействия РПЦ и уголовно-исполнительной системы созданы условия для формирования института тюремного служения и закрепления его основ в законодательстве. Вместе с тем существует ряд проблем (освещенных и исследованных в статье), не решаемых в течение длительного времени. Одна из них – правовая определенность имущества религиозного назначения в местах лишения свободы, нормативное закрепление форм владения этим имуществом, а также гарантий для собственников. Другая – проведение его инвентаризации и учета в установленном законом порядке.

В УИС увеличивается количество храмов, иных зданий и мест для осуществления религиозного культа. Необходимо продолжать работу по формированию правовой базы культовых объектов в УИС. Нужна совместная (УИС и РПЦ) программа решения этих задач.

Библиографический список

1. Алексеева Н. И. Правовой режим имущества религиозного назначения: канонический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2014. Вып. 9. С. 114–121.
2. Антонов И. В. Правовое обеспечение деятельности канонических подразделений Русской Православной Церкви в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Взаимодействие Русской Православной Церкви с гос. системой исполнения наказаний: опыт, проблемы, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 16–17 окт. 2013 г.). Рязань: Акад. ФСИН России, 2014. С. 8–18.
3. Детков М. Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М.: Интерправо, 1994. 120 с.
4. Дорская А. А. Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность: монография. СПб.: Астерион, 2012. 222 с.
5. Иринарх, Епископ Красногорский. Взаимодействие Церкви и государственной систе-

- мы исполнения наказаний // Взаимодействие Русской Православной Церкви с гос. системой исполнения наказаний: опыт, проблемы, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 16–17 окт. 2013 г.). Рязань: Акад. ФСИН России, 2014. С. 57–83.
6. Павлов А. С. Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002. 384 с.
7. Православная энциклопедия. М.: Церк.-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2010. Т. 22. 752 с.
8. Рыбаков В. А. О системе собственности (цивилистический очерк). М.: Изд. группа «Юрист», 2008. 112 с.
9. Рыбаков В. В. Имущественные права лиц, осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.
10. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т. М. Лопато. Пермь: Типо-Литография Губер. Правления, 1903. 954 с.
11. Carss-Frisk M. The Right to Property: A Guide to the Implementation of Article 1 of Protocol № 1 to the European Convention of Human Rights // Human Rights Handbooks. Strasbourg, 2001. № 4. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007ff4a> (дата обращения: 01.02.2017).
12. Christentum und politische Kultur. Über das Verhältnis des demokratischen Rechtsstaates zum Christentum. EKD Texte. Hannover: Kirchenamt der EKD, 1997. 37 s.
13. Evans C. Freedom of Religion under the European Convention on Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2001. 222 p.
14. Nedvedova K., Schneiderova Heralova R. Sustainable Management of Church Property. URL: <http://www.cesb.cz/cesb13/proceedings> (дата обращения: 01.02.2017).
15. Konkordat Miedzy Stolica Apostolska i Rzeczpospolita Polska, Podpisany w Warszawie dnia 2b lipca 1993 r. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/Download> (дата обращения: 01.02.2017).
16. Robertson A. H., Merrills J. G. Human Rights in Europe: a Study of the European Convention on Human Rights. 3rd ed. Manchester: Manchester University Press, 1993. 314 p.

References

1. Alekseeva N. I. Pravovoy rezhim imushchestva religioznogo naznacheniya: kanonicheskiy aspekt [The Legal Regime of Property of Religious Nature: the Canonical Aspect]. Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta

of the convicts but also examples of the religious property accounting methods and the methods to construct new churches which are still functioning today. The experience of the church charities and rendering assistance to the convicts, including that involving money and goods, is also not of little importance.

Conclusions

The research conducted shows that in the process of the ROC and the penal system cooperation, the conditions have been created for the establishment of the institution of prison ministering and for enshrining its fundamentals in the legislation. With this, there is a number of problems (discussed and researched in the article) which have not been settled for a long period of time. One of them is the clear legal status of the property for religious purposes in the places for confinement and the codification of the forms of this property ownership, as well as of the guarantees for the owners. Another one is inventorying and accounting of such property in accordance with the legally established procedure.

The number of churches, other buildings and other places of religious cult is increasing in the penal system, so it is necessary to solve the issues of developing the legal basis of cult objects in the penal system. A joint program (by the ROC and the penal system) is necessary.

References

1. Alekseeva N. I. Pravovoy rezhim imushchestva religioznogo naznacheniya: kanonicheskiy aspekt [The Legal Regime of Property of Religious Nature: the Canonical Aspect]. Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta – Immanuel Kant Baltic Federal University's Vestnik. Ser. The Humanities and Social Science. 2014. Vol. 9. Pp. 114–121. (In Russ.).
2. Antonov I. V. Pravovoe obespechenie deyatelnosti kanonicheskikh podrazdeleniy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v uchrezhdeniyakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy [The Legal Support for Canonical Units of the Russian Orthodox Church in Institutions of the Penal System]. Vzaimodeystvie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi s gosudarstvennoy sistemoy ispolneniya nakazaniy: opyt, problemy, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii – Cooperation between the Russian Orthodox Church and State Penal System: Experience, Problems, Prospects: Proceedings of International Scientific-Practical Conference, October 16–17, 2013. Ryazan, 2014. Pp. 8–18. (In Russ.).
3. Detkov M. G. Nakazanie v tsarskoy Rossii. Sistema ego ispolneniya [Punishment in Tsarist Russia. The System of its Execution]. Moscow, 1994. 120 p. (In Russ.).
4. Dorskaya A. A. Pravovoy rezhim imushchestva religioznogo naznacheniya v Rossii: istoriya i sovremennost' [Legal Regime of Property of Religious Purposes in Russia: History and Modernity]. St. Petersburg, 2012. 222 p. (In Russ.).
5. Irinarkh, Bishop Krasnogorsky. Vzaimodeystvie Tserkvi i gosudarstvennoy sistemy ispolneniya nakazaniy [The Interaction between the Church and the State Penal System]. Vzaimodeystvie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi s gosudarstvennoy sistemoy ispolneniya nakazaniy: opyt, problemy, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii – Cooperation between the Russian Orthodox Church and State Penal System: Experience, Problems, Prospects: Proceedings of International Scientific-Practical Conference, October 16–17, 2013. Ryazan, 2014. Pp. 57–83. (In Russ.).
6. Pavlov A. S. Kurs tserkovnogo prava [Course on Ecclesiastical Law]. St. Petersburg, 2002. 384 p. (In Russ.).
7. Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2010. Vol. 22. 752 p. (In Russ.).
8. Rybakov V. A. O sisteme sobstvennosti (tsivilisticheskiy ocherk) [On the System of Ownership (Civil Law Review)]. Moscow, 2008. 112 p. (In Russ.).
9. Rybakov V. V. Imushchestvennye prava lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [The Property Rights of Persons Sentenced to Deprivation of Liberty: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.).
10. Sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy po tyuremnoy chasti [The Collection of Legalizations and Orders Concerning Prisons; comp. by T. M. Lopato]. Perm, 1903. 954 p. (In Russ.).
11. Carss-Frisk M. The Right to Property: A Guide to the Implementation of Article 1 of Protocol No. 1 to the European Convention of Human Rights. Human Rights Handbooks. Strasbourg, 2001. No. 4. Available at: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007ff4a> (accessed 01.02.2017). (In Eng.).

- im. I. Kanta* – Immanuel Kant Baltic Federal University's Vestnik. Ser. The Humanities and Social Science. 2014. Vol. 9. Pp. 114–121. (In Russ.).
2. Antonov I. V. *Pravovoe obespechenie deyatel'nosti kanonicheskikh podrazdeleniy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v uchrezhdeniyakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy* [The Legal Support for Canonical Units of the Russian Orthodox Church in Institutions of the Penal System]. *Vzaimodeystvie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi s gosudarstvennoy sistemoy ispolneniya nakazaniy: opyt, problemy, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* – Cooperation between the Russian Orthodox Church and State Penal System: Experience, Problems, Prospects: Proceedings of International Scientific-Practical Conference, October 16–17, 2013. Ryazan, 2014. Pp. 8–18. (In Russ.).
  3. Detkov M. G. *Nakazanie v tsarskoy Rossii. Sistema ego ispolneniya* [Punishment in Tsarist Russia. The System of its Execution]. Moscow, 1994. 120 p. (In Russ.).
  4. Dorskaya A. A. *Pravovoy rezhim imushchestva religioznogo naznacheniya v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Legal Regime of Property of Religious Purposes in Russia: History and Modernity]. St. Petersburg, 2012. 222 p. (In Russ.).
  5. Irinarkh, Bishop Krasnogorsky. *Vzaimodeystvie Tserkvi i gosudarstvennoy sistemy ispolneniya nakazaniy* [The Interaction between the Church and the State Penal System]. *Vzaimodeystvie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi s gosudarstvennoy sistemoy ispolneniya nakazaniy: opyt, problemy, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* – Cooperation between the Russian Orthodox Church and State Penal System: Experience, Problems, Prospects: Proceedings of International Scientific-Practical Conference, October 16–17, 2013. Ryazan, 2014. Pp. 57–83. (In Russ.).
  6. Pavlov A. S. *Kurs tserkovnogo prava* [Course on Ecclesiastical Law]. St. Petersburg, 2002. 384 p. (In Russ.).
  7. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2010. Vol. 22. 752 p. (In Russ.).
  8. Rybakov V. A. *O sisteme sobstvennosti (tsivilisticheskoy ocherk)* [On the System of Ownership (Civil Law Review)]. Moscow, 2008. 112 p. (In Russ.).
  9. Rybakov V. V. *Imushchestvennye prava lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* [The Property Rights of Persons Sentenced to Deprivation of Liberty: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.).
  10. *Sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy po tyurnoy chasti* [The Collection of Legalizations and Orders Concerning Prisons; comp. by T. M. Lopato]. Perm, 1903. 954 p. (In Russ.).
  11. Carss-Frisk M. The Right to Property: A Guide to the Implementation of Article 1 of Protocol No. 1 to the European Convention of Human Rights. Human Rights Handbooks. Strasbourg, 2001. No. 4. Available at: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007ff4a> (accessed 01.02.2017). (In Eng.).
  12. *Christentum und politische Kultur. Über das Verhältnis des demokratischen Rechtsstaates zum Christentum.* EKD Texte. Hannover: Kirchenamt der EKD, 1997. 37 p. (In Germ.).
  13. Evans C. Freedom of Religion under the European Convention on Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2001. 222 p. (In Eng.).
  14. Nedvedova K., Schneiderova Heralova R. Sustainable Management of Church Property. Available at: <http://www.cesb.cz/cesb13/proceedings> (accessed 01.02.2017). (In Eng.).
  15. *Konkordat między Stolica Apostolska i Rzeczpospolita Polska, podpisany w Warszawie dnia 2b lipca 1993 r.* Available at: <http://isap.sejm.gov.pl/Download> (accessed 01.02.2017). (In Polish).
  16. Robertson A. H., Merrills J. G. Human Rights in Europe: a Study of the European Convention on Human Rights. 3rd ed. Manchester: Manchester University Press, 1993. 314 p. (In Eng.).

12. *Christentum und politische Kultur. Über das Verhältnis des demokratischen Rechtsstaates zum Christentum.* EKD Texte. Hannover: Kirchenamt der EKD, 1997. 37 p. (In Germ.).
13. Evans C. Freedom of Religion under the European Convention on Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2001. 222 p. (In Eng.).
14. Nedvedova K., Schneiderova Heralova R. Sustainable Management of Church Property. Available at: <http://www.cesb.cz/cesb13/proceedings> (accessed 01.02.2017). (In Eng.).
15. *Konkordat między Stolica Apostolska i Rzeczpospolita Polska, podpisany w Warszawie dnia 2b lipca 1993 r.* Available at: <http://isap.sejm.gov.pl/Download> (accessed 01.02.2017). (In Polish).
16. Robertson A. H., Merrills J. G. Human Rights in Europe: a Study of the European Convention on Human Rights. 3rd ed. Manchester: Manchester University Press, 1993. 314 p. (In Eng.).

References in Russian

1. Алексеева Н. И. Правовой режим имущества религиозного назначения: канонический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2014. Вып. 9. С. 114–121.
2. Антонов И. В. Правовое обеспечение деятельности канонических подразделений Русской Православной Церкви в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Взаимодействие Русской Православной Церкви с гос. системой исполнения наказаний: опыт, проблемы, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 16–17 окт. 2013 г.). Рязань: Акад. ФСИН России, 2014. С. 8–18.
3. Детков М. Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М.: Интерправо, 1994. 120 с.
4. Дорская А. А. Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность: монография. СПб.: Астерион, 2012. 222 с.
5. Иринарх, Епископ Красногорский. Взаимодействие Церкви и государственной системы исполнения наказаний // Взаимодействие

- Русской Православной Церкви с гос. системой исполнения наказаний: опыт, проблемы, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 16–17 окт. 2013 г.). Рязань: Акад. ФСИН России, 2014. С. 57–83.
6. Павлов А. С. Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002. 384 с.
7. Православная энциклопедия. М.: Церк.-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2010. Т. 22. 752 с.
8. Рыбаков В. А. О системе собственности (цивилистический очерк). М.: Изд. группа «Юрист», 2008. 112 с.
9. Рыбаков В. В. Имущественные права лиц, осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.
10. *Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т. М. Лопато.* Пермь: Типо-Литография Губер. Правления, 1903. 954 с.
11. Carss-Frisk M. The Right to Property: A Guide to the Implementation of Article 1 of Protocol № 1 to the European Convention of Human Rights // Human Rights Handbooks. Strasbourg, 2001. № 4. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007ff4a> (дата обращения: 01.02.2017).
12. *Christentum und politische Kultur. Über das Verhältnis des demokratischen Rechtsstaates zum Christentum.* EKD Texte. Hannover: Kirchenamt der EKD, 1997. 37 s.
13. Evans C. Freedom of Religion under the European Convention on Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2001. 222 p.
14. Nedvedova K., Schneiderova Heralova R. Sustainable Management of Church Property. URL: <http://www.cesb.cz/cesb13/proceedings> (дата обращения: 01.02.2017).
15. *Konkordat Miedzy Stolica Apostolska i Rzeczpospolita Polska, Podpisany w Warszawie dnia 2b lipca 1993 r.* URL: <http://isap.sejm.gov.pl/Download> (дата обращения: 01.02.2017).
16. Robertson A. H., Merrills J. G. Human Rights in Europe: a Study of the European Convention on Human Rights. 3rd ed. Manchester: Manchester University Press, 1993. 314 p.